

Н.И. Якушин

«Железная дорога»

Реформа 1861 года освободила крестьян от крепостной зависимости, и они стали свободными. Что же изменилось в их жизни? И Некрасов с горечью вынужден был признать, что свобода не принесла народу облегчения и что «на место цепей крепостных/ Люди придумали много иных» («Свобода»). Но поэта не оставляла надежда на то, что новые поколения, избавившись от рабства, станут свободными и сумеют самостоятельно определить свой жизненный путь:

Хочешь — останешься век мужиком,
Сможешь — под небо взовьешься орлом.

(«Свобода»)

Однако Некрасов понимал, что сделать это очень непросто. Ведь в ходе проведенной реформы крестьяне не получили достаточных наделов земли, которые могли бы их прокормить, и вынуждены были искать любую возможность заработать. Одни шли на заводы и фабрики, другие на строительство дорог и т. п.

Всего этого не мог не видеть Некрасов. В 1864 году он написал стихотворение «Железная дорога». В его основу поэт положил факты, связанные со строительством Николаевской железной дороги, соединившей Москву и Петербург, в 1842–1851 годах, то есть еще во время существования крепостного права. Почему же Некрасов обратился к уже прошедшим временам? Вероятнее всего, он хотел подчеркнуть, что и после освобождения положение народа мало в чем изменилось: тот же нечеловечески тяжелый труд, те же невыносимые условия, в которых приходилось работать, тот же произвол всякого рода подрядчиков, десятников и проч. Но самое главное — поэт решил воспеть героический труд народа и показать, кто же является истинным создателем материальных ценностей, в том числе и железных дорог.

Строительством Николаевской железной дороги руководил известный своей жестокостью граф Клейнмихель. Стремясь как можно скорее закончить строительство и тем самым угодить царю Николаю I, он был беспощаден к рабочим. Вот что рассказывал близкий знакомый Некрасова инженер В. Панаев, который сам работал на этой стройке:

«Землекопы преимущественно нанимались в Витебской и Виленской губерниях из литовцев. Это был самый несчастный народ на всей русской земле, который походил скорее не на людей, а на рабочий скот, от которого требовали в работе нечеловеческих сил без всякого, можно сказать, вознаграждения».

Факты, приведенные в рассказе инженера Панаева и в известной степени отображенные в «Железной дороге», не были единичными. Вот, например, что писал в 1860 году Н. Добролюбов в статье «Опыт отучения людей от пищи» об условиях, в которых велось строительство Волго-Донской железной дороги:

«Рабочие живут в выкопанных в земле ямах: в этих ямах устроены по обеим сторонам нары, и на них нет соломы, ни рогожек: под боком доска, в голове — кулак. Шалашы сделаны с такой небрежностью, низки, тесны и без отверстий для воздуха. Шалашей сделано мало: по 20 человек лежат в каждом из них, а когда число заболевших возрастает и привозят новых людей, им приходится лежать на земле и ждать, пока не соорудят новые помещения... Распорядители нашли нужным расставить военных казаков по всем пунктам пребывания рабочих, и даже около лазарета стоят два казака с саблями и нагайками... Больных возят на одной телеге четверых по пыльной, знойной степи, за 25 верст. Лазарет — просто собачьи конуры».

Обо всем этом не следует забывать, поскольку иногда высказывается предположение, что захороненные «косточки русские», о которых говорит Некрасов в «Железной

дороге», есть не что иное, как поэтический образ. Но не поэтический образ лежит в основе этого произведения, а реальные факты.

Первая часть стихотворения — неторопливый рассказ поэта о природе. Перед его взором мелькают отдельные детали осеннего пейзажа: «лед неокрепший на речке студенной», «листья желты и свежи». Все это вызывает у него знакомые чувства и представления. Ведь все это он видел не один раз и раньше, поэтому для первых двух строф этой части стихотворения характерна разговорная интонация и неторопливость повествования.

В начале третьей строфы поэт, словно освобождаясь от только что увиденного, повторяет начальные слова стихотворения: «славная осень». Именно «славная» вызывающая не столько восторг, сколько уважение, благодарность! Эти слова звучат, как разбег: ритм повествования убыстряется, фраза становится короче («морозные ночи», «ясные, тихие дни»), картины быстрее замелькали перед глазами.

Две строки из последнего четверостишия — «Все хорошо под сиянием лунным,/ Всюду родимую Русь узнаю...» — звучат как своеобразный итог воодушевления поэта и одновременно как настораживающее предупреждение, смысл которого будет раскрыт во второй части стихотворения. Противопоставление картины осени содержанию второй части готовится интонацией этих фраз и повторением в них близких местоимения и наречия «все» и «всюду». Противительный союз «но» не произнесен, он подразумевается...

Обратите внимание на экспозиционное, «запевное» начало первой части «Железной дороги»: уже здесь намечено противопоставление всему, о чем будет говориться в произведении. При этом нельзя не отметить, что между первой и второй частью стихотворения существует определенная связь. Это проявляется в повторении там близких слов-образов. Ведь совсем не случайно элемент пейзажа — «под сиянием лунным», «при лунном сиянии», «в ночь эту лунную» — два раза повторяет автор и один раз строители в своей песне, которую они поют в страшном Ванином сне.

Уже в первых строках второй части «Железной дороги» очарованию лунной ночи противопоставлена беспощадная правда нечеловеческих страданий строителей-мужиков. Да и само слово «правда», поставленное Некрасовым сразу же после фразы «при лунном сиянии» и разделенное строчной паузой, несет на себе не только логическое ударение, но и огромную смысловую нагрузку. Н. Скатов пишет о «Железной дороге»:

«Чего стоит природа, зовущая выспаться, не спать, а именно выспаться. По-мужички усталый человек хочет уйти в природу, отдохнуть не для того, чтобы “в истине блаженство находить”, а просто... выспаться. Здесь передано почти физическое ощущение приобщения к природе».

Перед нами лунное сияние «славной осени» и лунное сияние «страшного Ваниного сна»... *Какие картины освещает луна в стихотворении? Какие картины видит Ваня из окна вагона при лунном сиянии?* — вот о чем можно спросить учеников.

Одновременно следует привлечь внимание к тому, что вторая часть «Железной дороги» начинается с обращения: «Добрый папаша!» Почему? Откуда вдруг такой резкий переход от изображения картин осени, выдержанного в несколько приподнятом духе, к обычной разговорной интонации, к непосредственному обращению к генералу? Дело в том, что в качестве эпиграфа к стихотворению Некрасов приводит подслушанный им в вагоне разговор Вани со своим отцом-генералом о том, что эту дорогу построил граф Клейнмихель. И поэтому вся вторая (как, впрочем, третья и четвертая) часть стихотворения есть не что иное, как продолжение этого разговора. Только теперь в него вмешивается автор, который хочет рассказать Ване правду и показать, кто же в действительности является создателем этой «дороги железной».

Вторая часть стихотворения — самая значительная по своему поэтическому содержанию. В ней раскрывается образ народа, создателя всех земных благ, творца всего прекрасного, что создано человечеством.

Сами создатели земной красоты не могут не понимать ее. Это понимание сближает автора и мужиков. Они не проклинают ими созданного, хотя, кажется, могли бы — ведь «по бокам-то всё косточки русские». Строителям вовсе не безразлично, что будет после них. «В ночь эту лунную любо нам видеть свой труд», — поют они.

Слово «труд» в приведенной строке из песни строителей равнозначно понятию «железная дорога», то есть результат народного труда. А слова «железная дорога» в строке предпоследней строфы («Вынес и эту дорогу железную») приобретают уже иное значение. Здесь «Железная дорога» — «труд» выступают как символ тяжелой, каторжной, убивающей работы.

В этих двух значениях, но чаще всего в прямом смысле, это величавое слово пронизывает все стихотворение, сближая позиции автора и народа.

Сначала слово «труд» возникает в сказочном зачине авторского рассказа: «Труд этот, Ваня, был страшно громаден». И мы испытываем потрясение от величия и трагичности дела, совершенного народом. На подобный труд могут отважиться «в страшной борьбе» только «массы народные». Потом в песне мертвецов «труд» становится воплощением этой борьбы и жертв, и тем мужественнее любование народа своим созданием.

И вдруг в песню, которая приобретает «характер и силу документального свидетельства» (*Н. Скотов*), врывается рыдание:

Всё претерпели мы, Божии ратники,
Мирные дети труда!

Труд создал их, стал делом их жизни и преждевременно, несправедливо погубил.

Наконец, в описании белоруса слово «труд» отзывается в родственном наречии, возвращая ему первоначальный, глубокий смысл: «*Трудно* свой хлеб добывал человек!», а в прямой авторской речи —

Эту привычку к *труду* благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать, —

становится гимном мужицкому гению, его героизму.

К сожалению, учащиеся далеко не всегда видят в стихотворении Некрасова героические черты народа. Они больше внимания обращают на его бесправное положение, долготерпение и покорность. А между тем в нерасторжимости этих двух черт народа — долготерпения и героизма — и в противопоставлении их и заключается основной пафос всей второй части «Железной дороги». Развитием во второй части стихотворения темы народного труда, *нечеловеческого* и *человечного*, дает поэту полное основание высказать свою веру в великое будущее народа.

Слово «дорога», близкое слову «труд», возникающее то как горько-ласкательное — «дороженька», то как прямое название созданного — «дорога чугунная» — в последней строфе становится выразительной метафорой — «широкую, ясную / Грудью дорогу проложит себе», — означающей путь народа к счастью.

Итак, вторая часть «Железной дороги» контрастна. И выражению этого контраста в немалой степени способствует первая часть произведения. Это видно хотя бы из того, что светлому взгляду мужика на природу в начале стихотворения, его мужественному отношению к жизни во второй части, противопоставлено смирение народа, его терпение, которому, по мысли автора, рано или поздно наступит конец.

Как же раскрывается во второй части произведения образ народа? Сначала перед нами возникают «массы народные», сгоняемые на строительство железной дороги беспощадным голодом. Затем этот образ становится более конкретным: перед читателем в «удивительном сне», который видит Ваня, появляется «толпа мертвецов», толпа рабо-

чих, погибших на строительстве железной дороги. Сон Вани помогает поэту оживить, как в сказке, людей, которых Ваня не мог увидеть в обычной жизни. Ведь дорога уже построена, оставшиеся в живых строители разошлись по домам, а «мертвые в землю зарыты». Появление в стихотворении «толпы мертвецов» лишний раз говорило о том, в каких ужасных условиях велось строительство железной дороги и сколько человеческих жизней было загублено при этом.

В песне, которую поют «мертвые», раскрывается трагическая судьба строителей дороги: беспросветная нужда, бесправное положение, надругательства, которым они подвергались на каждом шагу. Протокольная сухость их свидетельства о своем непосильном труде передана, как и во многих народных песнях, предельно точным подбором глаголов.

*Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках, боролись с голодом,
Мерзли и мокли, болели цингой,
Грабили нас грамотеи-десятники,
Секло начальство, давила нужда...*

Из огромной толпы строителей Некрасов выделяет только рабочего-белоруса, как наиболее выразительного представителя армии строителей. Этот образ — своего рода обвинительный акт всем тем, кто повинен в гибели тысячи людей, кто довел народ до положения рабочего скота.

В последних строках песни-плача, песни-причитания строителей содержится призыв к исторической справедливости, вера в то, что жизнь и труд их не напрасны. И эта вера, эта убежденность, как часто бывает у Некрасова, выражается в форме горького вопроса:

*Всё ли нас, бедных, добром поминаете
Или забыли давно?..*

Сравните:

*Иль судеб повинуюсь закону,
Все, что мог, ты уже совершил...*

(«Размышления у парадного подъезда»)

Заключительные слова второй части стихотворения обращены не только к случайному спутнику автора — Ване, а ко всему молодому поколению 1860-х годов. Некрасов призывает молодых людей не терять веру в народ, в лучшее будущее, которое обязательно придет.

Третья часть стихотворения Некрасова на первый взгляд кажется трудной для понимания. По существу же здесь поэт не вносит ничего принципиально нового в спор о народе. Еще во второй части автор выдвинул против народа серьезные упреки (забитость, долготерпение и т. п.), но сумел их исторически объяснить и снять своим воодушевлением, убедив Ваню и читателя в существовании скрытых могучих сил народа. Кстати, своеобразным гимном во славу народа, которым завершается вторая часть «Железной дороги», является то, что он выражен «в форме явной и тайной полемики» (К. Чуковский). Некрасов выступает здесь против всех тех, кто клеветал на народ, для кого народ — это лишь «Варвары! дикое скопище пьяниц!».

В третьей части «Железной дороги» появляется еще один персонаж — генерал. И хотя о нем говорится в эпиграфе произведения, именно здесь полностью раскрывается характер внешне образованного, а внутренне пустого и жестокого человека, равнодушного к народным страданиям.

При этом надо отметить, что генерал презрительно относится не только к русскому народу, но и к любому другому («Ваш славянин, англосакс и германец...»).

Четвертую часть «Железной дороги» пронизывает горькая ирония. Она звучит лишь в общем определении картины как «светлой», хотя она, судя по рассказу автора, совсем не светлая. Купчину-подрядчика, «почтенного лабазника», появляющегося перед народом,

его внешность Некрасов рисует резкими сатирическими красками («Толстый, присадистый, красный, как медь»), обращая внимание на его самодовольство («И говорит, подбоченясь картинно»), на безграмотность его речи («нешто... молодца!., молодца!», «...проздравляю»), на его грубость по отношению к зависимым от него людям («Шапки долой — коли я говорю!»).

Купчина-подрядчик — это один из тех «сытых» (*К. Чуковский*), которые наживлись на народном труде, самым бесстыдным образом обманывая, обирая неграмотных и темных крестьян. И хотя «почтенный лабазник», в отличие от генерала, не умеет рассуждать об искусстве и нет у него той образованности, которой обладает отец Вани, но своим презрительным и неуважительным отношением к народу, к простым труженикам эти два человека, несмотря на свою несхожесть, очень близки друг другу.

Рисует Некрасов в этой части стихотворения и народ. Но здесь он изображен вне труда — «...труды роковые / Кончены...». Перед нами народ, махнувший рукой на несправедливость, на обман и обсчет. С окончанием строительства праздник наступил только для купчины. Что же касается строителей, то ведь каждый из них «подрядчику должен остался».

Свое возмущение и боль от увиденного поэт скрывает за горькой иронией, которая отчетливо проступает, когда он, рисуя безобразную картину народного унижения в финале «Железной дороги», называет ее «отрадной».

Несмотря ни на что, стихотворение «Железная дорога» — произведение в целом оптимистическое, жизнеутверждающее, так как оно звало к борьбе, к преобразованию жизни. Именно так восприняли «Железную дорогу» передовые люди того времени, современники поэта. Стихотворение Некрасова будило у молодежи желание пойти «сражаться за русский народ» (*Г. Плеханов*).

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на то, что, веря в светлое будущее своего народа («Вынесет всё — и широкою, ясную / Грудью дорогу проложит себе»), Некрасов в то же время понимал, что «прекрасная пора» наступит очень и очень нескоро и что до этого времени не доживет ни он сам, ни его маленький собеседник Ваня.

Жаль только — жить в эту пору прекрасную
Уж не придется — ни мне, ни тебе.

На завершающем этапе работы обязательно нужно обратить внимание на образ автора, от имени которого ведется повествование в «Железной дороге». Автор — главный образ произведения, его идейный и композиционный центр. Рассказчик в стихотворении является выразителем взглядов автора, он же соединяет в единое целое отдельные части произведения и разные картины, проходящие перед нами.